

DOI 10.31250/2618-8619-2025-2(28)-69-83

УДК 94(47).083

Тохир Сафарбекович Каландаров

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-8454-1784
E-mail: tohir_s70@mail.ru

Исмаилиты в российской стратегии решения «мусульманского вопроса» в Средней Азии (конец XIX — начало XX века)

АННОТАЦИЯ. В статье на примере таджикских исмаилитов рассматривается стратегия решения «мусульманского вопроса» в Российской империи. Автор на основе архивных документов анализирует, как чиновники царской России пытались разобраться в «мусульманском вопросе» на своих новых землях. Присоединение Средней Азии к России привело к тому, что в отечественных научных и военных кругах возник повышенный интерес к Востоку. Востокведческая наука обогатилась новыми знаниями о мусульманах Средней Азии. Появились и первые исследования об исмаилитах «крыши мира». Но, несмотря на это, иногда в центрах принятия решений по мусульманам (Ташкент, Петербург) умалчивалось о наличии исмаилитов. Автор, анализируя архивные документы и данные из научной литературы, приходит к выводу, что на исмаилитское сообщество смотрели сквозь призму деятельности их духовного лидера — имама Ага-Хана III. Несмотря на то что сам Ага-Хан III в своих мемуарах очень тепло отзывался о России, ее народах и культуре, в глазах царских чиновников он был проводником английской политики в регионе. Англия и Россия были давними соперниками в «Большой игре» в Средней Азии в целом и на Памире в частности. Благодаря расквечиванию архивных материалов автор смог использовать документы из Государственного архива Российской Федерации и Архива внешней политики Российской империи. В статье отмечается, что Российская империя использовала в своих целях таджикских исмаилитских религиозных деятелей, которые время от времени ездили на поклон к Ага-Хану III.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: таджикские исмаилиты, Ага-Хан III, «мусульманский вопрос», царская Россия, Памир, русские ученые

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Каландаров Т. С. Исмаилиты в российской стратегии решения «мусульманского вопроса» в Средней Азии (конец XIX — начало XX века). *Кунсткамера*. 2025. 2 (28): 69–83. DOI: 10.31250/2618-8619-2025-2(28)-69-83

Tokhir Kalandarov

N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8454-1784
E-mail: tohir_s70@mail.ru

Ismailis in the Russian Strategy of Solving the ‘Muslim Question’ in Central Asia (Late 19th — Early 20th Century)

ABSTRACT. The article examines the strategy of solving the ‘Muslim Question’ in the Russian Empire on the example of Tajik Ismailis. Using archival documents, the author analyzes how Tsarist Russian authorities tried to solve the ‘Muslim Question’ in their new lands. The annexation of Central Asia to Russia led to an increased interest in the East in the academic and military circles of Tsarist Russia. Oriental studies were enriched with new knowledge about the Muslims of Central Asia. The first studies on the Ismailis of the ‘roof of the world’ also appeared. However, sometimes the centres of decision-making on Muslims (Tashkent, St. Petersburg) omitted the presence of Ismailis. By analyzing archival documents and scientific literature, the author concludes that the Ismaili community was viewed through the prism of the activities of their spiritual leader, Imam Aga Khan III. Despite the fact that Aga Khan III himself, in his memoirs, spoke warmly of Russia, its people, and its culture, in the eyes of Tsarist authorities he was a conductor of British policy in the region. England and Russia were longtime rivals in the ‘Great Game’ in Central Asia in general and in the Pamirs in particular. With the declassification of archival materials, the author was able to use documents from the State Archive of the Russian Federation and the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. The article indicates that the Russian Empire used for its own purposes Tajik Ismaili religious figures, who occasionally traveled to pay homage to Aga Khan III.

KEY WORDS: Tajik Ismailis, Aga Khan III, ‘Muslim Question’, Tsarist Russia, Pamir, Russian scholars

FOR CITATION: Kalandarov T. Ismailis in the Russian Strategy of Solving the ‘Muslim Question’ in Central Asia (Late 19th — Early 20th Century). *Kunstkamera*. 2025. 2 (28): 69–83. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-8619-2025-2(28)-69-83

Для имперской России религиозная принадлежность подданных была важным фактором в деле нациестроительства. Первая общероссийская перепись 1897 г. включала вопрос о религиозной принадлежности. Согласно этим данным, в Российской империи проживало около 14 млн мусульман (Одинцов, Кочетова 2023: 16). Таким образом, царская администрация не могла не учитывать мусульманский фактор в своей внутренней и внешней политике, тем более что мусульманское население страны постоянно увеличивалось.

Так, если в европейской части империи насчитывалось свыше 3,5 млн мусульман обоих полов (Одинцов, Кочетова 2023: 56), что составляло 3,82 % от численности населения этого региона (Общий свод 1905: XV), то завоевание в 1870-х гг. Средней Азии прирастило Россию не только новыми территориями, но и новыми подданными, которые в подавляющем большинстве исповедовали ислам. В результате к началу XX столетия в Российской империи проживало чуть более 11 % мусульман (Общий свод 1905: XV, 17).

На последних этапах присоединения Туркестана к России в состав империи вошел и Памир с его исповедующим исмаилизм¹ населением. Как важный геополитический регион Памир притягивал к себе особое внимание мировых держав. Сложности и разные интриги вокруг «памирского вопроса» между Великобританией, Россией и Афганистаном детально освещены в фундаментальной монографии А. В. Постникова (2001). Здесь же лишь напомним, что летом 1895 г. русско-англо-афганская разграничительная комиссия работала на Памире, чтобы очертить новые границы. «Весной 1896 г. результаты делимитации и демаркации границы России с Афганистаном на Памире были ратифицированы правительствами Великобритании и Российской империи», — пишет А. В. Постников (2001: 329). Таким образом, Российская империя узаконила свое пребывание на «крыше мира».

Задачи управления новыми землями обуславливали необходимость изучения истории и культуры населения новоприобретенных территорий. К концу XIX в. чиновники царской России накопили довольно богатый багаж знаний об исламе в Средней Азии, однако политика центра по отношению к исламу еще не была четко сформулирована. Среди новых хозяев этих земель не было единодушия в вопросе, как относиться к мусульманам и их элите, какой должна быть стратегия интеграции региона в административное и культурное пространство Российской империи. Так, если генерал М. Г. Черняев² по отношению к мусульманам Средней Азии был достаточно терпим, то другой генерал русской армии, Н. А. Крыжановский³, считал такую мусульманскую политику «заискиванием» перед «магометанством». Деятельность первого генерал-губернатора Туркестана К. П. фон Кауфмана по решению «мусульманского вопроса» впоследствии назовут политикой игнорирования (подробнее об этом см.: Россия — Средняя Азия 2013: 75–85).

Памир естественным образом входил в сферу государственных интересов империи. В статье мы анализируем вопросы, какое место исмаилитское сообщество Памира и его локальные области (Вахан, Рушан, Шугнан) занимали в динамике взаимоотношений властных структур с мусульманским населением, каковы были политические и социокультурные механизмы, задействованные в процессе инкорпорации региона в административную вертикаль имперской государственности.

Следует отметить, что реализация названного процесса во многом зависела от уровня знания и понимания царскими чиновниками специфики этнокультурной ситуации в регионе. Между тем востоковедческая наука дореволюционной России мало занималась историей Бухарского ханства, а Вахан, Рушан и Шугнан были частью этого эмирата. Прав был Д. Ю. Арапов, который писал:

... в дореволюционный период большинство представителей академического направления в русском востоковедении почти не останавливалось на изучении истории Бухарского ханства, что объяс-

¹ Мы отдаем себе отчет в том, что термин «исмаилизм» скорее из области категории анализа и сковывает себя «сектантскими рамками». Более подробно о сложности этого термина см.: (Andani 2020).

² Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898) — русский генерал, с 1882 по 1884 г. генерал-губернатор Туркестанского края.

³ Николай Андреевич Крыжановский (1818–1888) — русский генерал, с 1864 по 1881 г. генерал-губернатор Оренбургской губернии.

нялось общей неразработанностью данного периода истории Средней Азии, недостаточной изученностью источниковой базы, отдаленностью научных центров от предмета исследования (Арапов 1981: 76).

Отсутствие полноценных академических знаний о Памире и его жителях усугублялось отдаленностью региона, его географической изолированностью и труднодоступностью, что явилось препятствием к получению достоверной информации о Памире и его населении — таджикских исмаилитах.

Прежде всего имперская администрация столкнулась с фактом, что на Памире распространен не суннизм — привычное течение ислама для равнинных территорий Средней Азии, а исмаилизм — шиитское течение ислама. Характерно, что первоначально власти не имели ни малейшего представления о конфессиональной специфике региона. Исмаилизм как течение шиизма для многих чиновников был экзотичным, а чаще всего и «невидимым» явлением. Так, в 1899 г. в докладе императору Николаю II туркестанский генерал-губернатор С. М. Духовский писал о мусульманах этого края:

Второй особенностью Туркестанского края, по крайней мере по сравнению с Кавказом, является единоверие его мусульманского населения. Оно все, полностью, принадлежит к суннитскому толку (Императорская Россия... 2006: 154).

Как видно из высказывания, генерал-губернатор или не знал о существовании исмаилитов в своих владениях, или предпочитал замалчивать о них⁴.

Между тем исмаилизм составляет коренную основу духовной жизни памирских таджиков. Исмаилизм как самостоятельное религиозное течение ведет свою историю с середины VIII в., когда произошло его отделение от шиизма. С тех пор исмаилиты рассматривались приверженцами официального ислама как отколовшаяся мусульманская секта. Их обвиняли в отходе не только от ортодоксального ислама, но и от умеренного шиизма. За это исмаилиты в разные времена и в различных странах подвергались суровым гонениям со стороны ортодоксального мусульманского духовенства, а главное — со стороны государственных властей.

Подтверждение тому можно найти, в частности, в отчетах и сообщениях русских путешественников и ученых. Так, граф А. А. Бобринской в начале XX в. писал, что исмаилитские правила предписывают

не только хранить тайну учения, но даже вводить в заблуждение лиц непосвященных и чуждых секте (притворяясь во время бесед с шиитами — шиитом, с суннитами — суннитом (Бобринской 1902: 1–2).

Наиболее точно состояние духовно-религиозной жизни исмаилитов в конце XIX столетия отразил русский горный инженер Д. Л. Иванов. В частности, о таджикских исмаилитах он писал:

Горный таджик, чтобы сохранить веру и обычаи своих отцов, не только должен был забраться в свои неприступные горы, но и сосредоточиться, замкнуться в самом себе, в своей семье, создавши так сказать два лица — одно официальное, для сношений с внешним миром, другое свое, народное, открытое только для своей собственной культуры (Иванов 1884: 242).

О количестве современных исмаилитов-низаритов — последователей Ага-Хана — можно судить только по приблизительным данным. Дело в том, что многие исмаилиты в таких странах, как Афганистан и Иран, до сих пор скрывают свою религиозную идентичность. Приблизительное количество исмаилитов в мире — около 10 млн человек (Дафтари 2015: 55).

⁴ Хотя данный доклад был сделан в 1899 г., то есть через несколько лет после первой экспедиции графа А. А. Бобринского на Памир в 1895 г., где ему удалось установить, что население исповедует не суннизм, как до этого думали, а исмаилизм.

Фундаментальные принципы исмаилизма изложены в преамбуле Конституции исмаилитов, которую 13 декабря 1986 г. подписал имам — духовный лидер исмаилитов мира, Его Высочество Ага-Хан IV. В ней сказано:

Мусульмане шииты-исмаилиты утверждают *шахада*⁵, *тавхид*⁶ и что святой пророк Мухаммад⁷ является последним и заключительным пророком Аллаха... Согласно шиитской доктрине, традиции и толкованию истории, святой пророк определил и назначил своего кузена и зятя Хазрата Мавлана Али... первым имамом для того, чтобы продолжить *таъвил*⁸ и *таълим*⁹ заключительного послания Аллаха и быть наставником мюридов, а также провозгласил, что имамат должен далее передаваться по наследству через Хазрата Мавлана Али и его дочь Хазрат Биби Фатиму... Правопреемство в имамате осуществляется через *насс*¹⁰, и является абсолютной прерогативой имама время назначать своего преемника среди любых своих потомков мужского пола, будь они сыновьями или дальними потомками... Власть имама в *тарики*¹¹ исмаилитов утверждается путем *байъа*¹², произнесенного мюридом имаму, который представляет собой акт принятия мюридом постоянной духовной связи между имамом и мюридом (текст Конституции из личного архива автора).

Как видим, религиозная доктрина у исмаилитов сформулирована довольно отчетливо.

Когда первые русские исследователи приехали на Памир и начали общаться с местным населением, оказалось, что традиционная «народная религия» их информантов существенно отличается от «книжной». К примеру, А. А. Бобринской со слов своих информантов-*пиров*¹³ пишет, что исмаилиты Памира не признают ад и рай (Бобринской 1902: 10). При этом следует напомнить, что две главы книги «Ваджи дин» («Лицо веры») Насира Хусрава¹⁴, главного проповедника исмаилизма в этих краях, посвящены именно вопросам ада ирая: глава пятая — о рае, глава седьмая — об аде. Он пишет: «Тот, кто с верой говорит слова свидетельства, нашел дверь рая» (Хусрав 2003: 469). В богословском труде Насира «Припасы путников» говорится:

...истинная вера покоится на признании необходимости для повинующихся и благодетельных рая, являющегося предельным источником наслаждения, и там, несомненно, нет страдания (Хусрав 2005: 293).

«В действительности у нас нет ни праздников, ни постов, ни намазов, ни общих молитв, ни мечетей», — сообщил памирский *пир* графу Бобринскому (Бобринской 1902: 14). При этом Насир Хусрав в своей книге «Ваджи дин» в отдельной главе не только упоминает ежедневные пятиразовые молитвы, но и дает им своеобразную исмаилитскую интерпретацию — *та'вил* (Хусрав 2003: 541–548). И таких коллизий было много.

⁵ *Шахада* — свидетельство. В качестве подтверждения принадлежности к исламской вере мусульмане произносят: «Свидетельствую, что нет божества кроме Аллаха и Мухаммад — его посланник» (*Салла-лаху алайхи ва-саллам*).

⁶ *Тавхид* — единобожие.

⁷ Обычно после имени Пророка мусульмане произносят: «Да благословит его Аллах» (*Салла-лаху алайхи ва-саллам*) и приветствуют, шииты обычно в этой фразе благословляют и род Пророка.

⁸ *Таъвил* — эзотерическая интерпретация Корана и других религиозных текстов.

⁹ *Таълим* — обучение, в шиизме авторитетное и непогрешимое обучение со стороны имамов после кончины Пророка.

¹⁰ *Насс* — буквально: ясное указание. Считается, что Пророк Ислама лично назначил Али своим преемником, открыто указав на него в силу божественного волеизъявления. После Али, по представлениям исмаилитов, имамат передается потомкам Али и Фатимы — дочери Пророка.

¹¹ *Тарика* — путь.

¹² *Байъа* — признание власти, клятва верности имаму.

¹³ *Пир*ы — религиозные деятели, которые занимались обучением религиозных текстов исмаилитов на местах. В некоторых документах царских чиновников пиров иногда называли ишанами.

¹⁴ Насир Хусрав (1004–1088) — известный таджикский поэт и философ, который в зрелом возрасте перешел из суннизма в исмаилизм, много путешествовал, встречался с духовным лидером исмаилитов — имамом того времени Мустансиром (1036–1094). После этого имам его назначил своим проповедником в Хорасане. Однако его проповедь в равнинной части современной Средней Азии нашла много противников, и он был вынужден бежать от преследований пока не нашел пристанище в местечке Юмган в современной провинции Бадахшана Афганистана. Все свои основные философские труды он написал именно в Юмгане.

В то же время исследователям и чиновникам из метрополии удалось уловить доминирующие настроения в среде исмаилитов, которые видели в русских свое спасение. Дело в том, что при поддержке англичан в 1883 г. афганские войска захватили Западный Памир — Шугнан, Рушан и Вахан. Начались тяжелые времена в истории исмаилитов, проживавших на этих землях. Афганцы считали исмаилитов еретиками, соответственно грабеж, насилие и даже убийства «отступников» воспринимались как богоугодное дело для правоверных афганских мусульман. Поэтому неудивительно, что местное население с симпатией и надеждой смотрело на русских как на своих освободителей от афганского ига.

Вот как Б. Л. Громбчевский описывает весьма характерный в этом отношении эпизод:

В 1889 г. в рошанском селении Сарез я приятно удивлен был симпатией населения к русским. Жители называли себя не иначе как подданными Белого Царя и новое занятие Рошана (современный Рушан. — *Т. К.*) афганскими войсками объясняли тем, что русские войска далеко и не могли подоспеть вовремя, чтобы прогнать афганцев. В день прибытия экспедиции в Сарез явились ко мне старики и привели связанным вновь назначенного афганцами сельского старшину, прося примерно наказать его за то, что он заставляет их подчиняться «дуздам», т. е. вора́м (другой клички здесь для афганцев не существует). Я поспешил освободить старшину и одарил его халатом, а старикам объяснил значение русской поговорки: «До Бога высоко, до царя далеко» (Громбчевский 1891: 4–5).

В XIX в. государственным органом, который занимался вопросами российских мусульман наряду с другими неправославными конфессиями, оставался Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел¹⁵. В ведение этого органа входили многие функции — от строительства мечетей до военной службы мусульман. В частности, чиновники департамента инициировали учреждение на окраинах империи так называемых русско-туземных школ в качестве действенного механизма интегративных процессов. Царская власть возлагала на них большие надежды. Так, в заключительной части упомянутого доклада С. М. Духовского эти школы выделены отдельным пунктом. Туркестанский генерал-губернатор пишет:

Обращено усиленное внимание на русско-туземные школы, число коих в последнее время заметно увеличивается. Указано, чтобы при объездах начальников вместе с местным населением выходило на встречу с приветом подрастающее (конечно, пока только мужское) поколение, дабы с юных лет оно привыкло видеть в русской власти ласку и участие, что выполнялось с успехом и при моих личных объездах края (Императорская Россия... 2006: 159).

Следует согласиться с М. И. Одинцовым и А. С. Кочетовой, которые отмечали:

Власть стремилась интегрировать российских мусульман в «единое государственное тело» через распространение православия и создание «русско-туземных» школ с преподаванием на основе текстов, написанных арабской графикой на языках коренного населения и переведенных на кириллицу (Одинцов, Кочетова 2023: 57).

Такая русско-туземная школа в начале XX в. появилась и на Памире, в местечке Хорог — будущем единственном городе этого горного края Таджикистана. В 1909 г. она начала функционировать, в ней стали обучаться исмаилитские дети Западного Памира. Первоначально школа существовала на пожертвования русских солдат и местного населения. В первый год в школе обучались всего восемь мальчиков из числа коренного населения.

¹⁵ Данный орган под разными названиями возник в начале XIX в. и просуществовал до 1917 г. Он занимался всеми религиями и конфессиями, кроме православной. В 1908–1911 гг. директором этого Департамента был этнограф А. Н. Харузин.

Б. И. Искандаров и Ш. Юсупов цитируют документ от 2 января 1910 г., в котором указывалось:

С минувшей осени на базарчике в Хороге в специально отстроенном помещении открыта школа для детей туземцев. Намеченная программа включает в себя: русский язык — чтение и письмо; персидский (т. е. таджикский) язык — чтение и письмо; география — сведения из географии России. История — краткие сведения из истории России. Гигиена — краткие сведения из анатомии человеческого тела; как сохранить свое здоровье; помощь в несчастных случаях (Искандаров, Юсупов 1976: 14).

В 1912 г. на базе этой школы открыли интернат¹⁶.

В конце 1912 г. вопрос о содержании школы был решен. Памирский отряд¹⁷ дал помещение и содержал при школе на полном пансионе 23 ученика, которым выдавались соль, мясо, хлеб, чай, сахар, а наиболее нуждающимся обувь и одежда. Зарплату учителю в размере 75 рублей в месяц Министерство народного просвещения России согласилось частично взять в свое ведение. Кроме того, туркестанские власти отпустили в 1912 г. на приобретение учебных пособий 100 рублей (Искандаров, Юсупов 1976: 16).

Начальник Памирского отряда в своем рапорте от 19 января 1913 г. писал:

...ввиду этого русско-туземная школа как источник русского языка и русской культуры среди таджиков и киргизов на далеких Памирах будет иметь общегосударственное значение (цит. по: Искандаров, Юсупов 1976: 16–17).

Таким образом, русско-туземная школа в Хороге для царской администрации была фактором «мягкой силы». Такие школы готовили не только будущих переводчиков, но и лояльных к центру грамотных представителей местного населения. К 1917 г. в русско-туземной школе-интернате уже учились 40 детей (Искандаров, Юсупов 1976: 18).

Постоянную заботу о школе проявлял И. Д. Ягелло¹⁸, в то время работавший заведующим школой восточных языков при штабе Туркестанского военного округа. Летом 1912 г. он находился в служебной командировке в Хороге и 7 июля устроил экзамен для учеников. По словам И. Д. Ягелло, результаты были очень хорошими. По итогам экзамена лучшими учениками были признаны Шириншо Шотемур, Азизбек Наврузбеков¹⁹, Сайфулло Абдуллоев²⁰, Карамхудо Элчибеков²¹ и Муродхусейн Курбонхусейнов²² (Искандаров, Юсупов 1976: 15–16). Многие из учеников в будущем занимали важные партийные и государственные должности в системе советской власти в Горном Бадахшане.

Выстраивая стратегию управления Памиром, власть искала опору среди авторитетных слоев местного населения, обретая ее в лице *пиров* — исмаилитских духовных лидеров, занимавших важное место в общественной иерархии памирского социума.

¹⁶ Одним из выпускников этой школы был будущий председатель Центрального исполнительного комитета Таджикской ССР, герой современного Таджикистана Шириншо Шотемур, который сам об этом написал в своей автобиографии. Так, зимой он учился в этой школе, а летом работал по найму. В 1914 г. окончил школу (ГАРФ. Ф. Р5221. Оп. 55. Ед. хр. 239. Л. 10).

¹⁷ Памирский отряд — русское военно-административное формирование.

¹⁸ Ягелло Иван Дионисиевич (1865–1942) — один из ярких представителей военной востоковедческой академической науки. С 1914 по 1917 г. был начальником Памирского поста. Блестяще знал иностранные языки — персидский, турецкий, урду, много переводил. Один из его переводов брошюры «Спор бухарского мударриса с европейцем в Индии и новометодных школах» находится в Архиве внешней политики Российской империи в Москве (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Ед. хр. 101. Л. 30–57).

¹⁹ Азизбек Наврузбеков (1897–1965) — в советское время работал на разных должностях в системе торговли. Одна из улиц в городе Хороге названа его именем.

²⁰ Абдуллоев Сайфулло (1899–1938) — один из основателей советской власти на Памире, занимал различные партийные и государственные должности, репрессирован в 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

²¹ Элчибеков Карамхудо (1896–1938) — будущий народный комиссар здравоохранения Совнаркома Таджикской ССР, репрессирован в 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

²² К сожалению, никаких сведений о Муродхусейне Курбонхусейнове отыскать не удалось.

Еще в конце XIX в. граф А. А. Бобринской посещал Памир, где беседовал с исмаилитскими *пирами*. Его экспедиция имела важное значение для научного сообщества. Не случайно перед второй экспедицией президент Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии С. С. Анучин в августе 1900 г. написал министру иностранных дел Российской империи письмо

об оказании возможного содействия научной экспедиции действительного члена Общества графа Алексея Алексеевича Бобринского, командированного обществом вместе со спутником его действительным членом Общества, ассистентом Зоологического музея Императорского Московского университета Николаем Васильевичем Богоявленским на восточные и западные склоны Памиров, а именно в Сары-Коль, Шугнан и Рушан... с целью производства зоологических, антропологических и этнографических исследований и собирания коллекций (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1302. Л. 2).

По результатам экспедиций А. А. Бобринского на Памир были опубликованы работы, которые и сегодня востребованы исследователями (Бобринской 1902; 1908). Не вызывает сомнений, что вояж А. А. Бобринского на Памир представлял интерес и для политических кругов Петербурга.

Понятно, что чиновники царской России использовали местных исмаилитских духовных лидеров в своих разведывательных целях. Об этом красноречиво свидетельствует выписка из секретного письма барона А. А. Черкасова на имя управляющего Российским политическим агентством в Бухаре от 19 сентября 1906 г.

Я постарался, насколько возможно было по состоянию дороги через перевалы Оуду и Гушхон²³, дольше остаться на Западном Памире для выяснения возможности приезда в этом году в Пригиндукушские владения Ага-Хана. Сведения, полученные мною по этому вопросу от ишанов²⁴ Западного Памира и от целого ряда случайных разведчиков, сводятся к нижеследующему. В числе паломников, следующих в Бомбей²⁵ осенью 1905 г., были Сарыкольский житель Сеид-Баба-Ша и двоюродный брат известного читральского ишана Шахзаде-Лейса, Ша-Аббас. Первому, подозревая его в доставлении секретного сведения русским, Таш Курганский мунши²⁶ не дал билета²⁷ на проезд в Бомбей. Тогда Сеид-Баба-Ша пробрался в Вахан, взял билет у начальника русского Лянгарского поста и отправился в Бомбей через Читрал, где к нему присоединился Ша-Аббас. По приезде в Бомбей оба были арестованы, так как из Читрала было дано знать, что Ша-Аббас и Сеид-Баба-Ша — русские разведчики. Ага-Хан был в это время в Калькутте. Вернувшись в Бомбей и узнав о задержании своих мюридов, он начал усиленно хлопотать об их освобождении, но губернатор Бомбея долго не хотел исполнять желание Ага-Хана и намеревался даже арестовать приехавшего в это время в Бомбей нашего разведчика Дрижсаго / в Вахане / камряи²⁸ Сеид-Абдурахмана. Тогда Ага-Хан объявил, что ввиду такого несправедливого отношения английских властей к его мюридам, приехавшим на поклонение из-за границы, он воспретит Памирским, Бадахшанским и Сарыкольским паломникам ездить в Бомбей, а вместо того сам время от времени будет посещать их.

Инцидент закончился тем, что Сеид-Баба-Ша и Ша-Аббас были освобождены из-под ареста, а за Сеид-Абдурахманом и другими приезжими из Западного Памира был учрежден строгий надзор. Сеид-Баба-Ша бомбейский губернатор не разрешил, впрочем, ни вернуться в Сарыколь, ни остаться в Бомбее, поэтому Ага-Хан отправил его в Занзибар, где имеется большая община исмаилитов.

²³ Перевалы в Ванджском районе Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан.

²⁴ *Ишаны* — другой термин для обозначения пиров.

²⁵ Обычно каждый год исмаилиты со всего мира совершали паломничество в Бомбей, чтобы поклониться имаму.

²⁶ *Мунши* — грамотный человек, обычно занимал должность секретаря при разных учреждениях

²⁷ В данном контексте: не дал ему разрешительные документы.

²⁸ *Камряи* наравне с *муки* являются главными церемониймейстерами в исмаилитских молельных домах, которые называют *джамаатхана* — общинные дома.

Принимая в конце 1905 г. паломников, Ага-Хан чрезвычайно подробно расспрашивал их как о делах общины, равно как и об отношении к исмаилитам должностных лиц Бадахшана, Сарыкола и на Зап[адном] Памире. Воспользовавшись этим, многие из паломников принесли Ага-Хану жалобы на ишанов, обвиняя их в различных злоупотреблениях и в утрате части зяката²⁹, собираемого с мюридов в пользу Ага-Хана. Последний, выслушав внимательно эти жалобы, объявил паломникам: в недалеком будущем он сам посетит все местности, населенные мюридами, и введет там новый порядок, исключающий всякую возможность злоупотребления со стороны ишанов. Вслед за тем Ага-Хан приказал Ша-Аббасу остаться в Бомбее, чтобы готовиться здесь, под непосредственным руководством Ага-Хана, к занятию высокой должности, и в то же время послал проживающему в Читраль Сеиду Ша-Абуль-Хасану приказ усиленно заниматься английским языком и другими науками, знание которых ему необходимо будет в скором времени. Затем Ага-Хан распорядился постройкой на свои средства, но на имя своих мюридов домов в Файзабаде (в оригинале Фейзабаде. — Т. К.) и Мазари-Шарифе.

Из этих распоряжений приближенные Ага-Хана заключают, что он хочет лично посетить Бадахшан и соседние области, съездить на поклонение гробнице /мнимой/ своего прадеда, халифа Али, в Мазари Шариф и назначить своими доверенными лицами с большими полномочиями Ша-Аббаса в Фейзабаде и Сеид-Абуль-Хасана — в Сарыколе. Эти доверенные будут следить за деятельностью ишанов и принимать непосредственно от мюридов приношения последних в пользу главы религии. По собранным мною сведениям, как Ша-Аббас, так и Сеид-Абуль-Хасан учились в английско-туземских школах в Индии и оба очень способные и развитые.

В текущем году Ага-Хан в соседние с Зап[адным] Памиром области не приедет, главным образом ввиду чрезвычайного обостренного отношений между англичанами и горцами Ягистана. Как говорят, на главу исмаилитов произвело сильное впечатление известие о сожжении в июле сего года правоверными мусульманами начатой постройки дома в Мазари-Шарифе, который сооружался под руководством присланного из Бомбея мастера к приезду Ага-Хана и должен был быть окончен весной 1907 г. (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1117. Л. 68–69).

Из данного архивного документа становится ясно, что царская администрация использовала в своих интересах людей, которые так или иначе были связаны с Ага-Ханом III.

Следует сказать, что русские власти всегда с осторожностью смотрели на самого Ага-Хана. Его считали английским сторонником и, соответственно, с подозрением относились к его деятельности на Памире. Опираясь на другой архивный документ, мы уже писали о том, как царская Россия боролась против распространения влияния Ага-Хана III на Памире (Каландаров 2023).

Чиновники царской России на Памире столкнулись с другой стороной «мусульманского вопроса» — мусульманской идентичностью исмаилитов. Дело в том, что в Средней Азии в XIX — начале XX в. принадлежность к мусульманской умме была положена в основу групповой и индивидуальной идентичности коренного населения. На вопрос о национальности неизменно следовал четкий ответ: «Я мусульманин», причем собственно этническая идентичность не играла сколько-нибудь важной роли в самоидентификации. Конечно, мусульманская идентичность в первую очередь подразумевала принадлежность к ханафитскому мазхабу. Шиит-иранец, который столетиями жил, например, в Бухаре, в эту «мусульманскую нацию» не входил. Так, и исмаилиты-таджики оставались на обочине этой идентификации.

Читаем в архивном документе:

К большому несчастью этого бедняка, присоединилось еще и то обстоятельство, что он усвоил непризнанную религию, шиит, верил в Али, углублялся в исмаилизм, тогда как его соседи были сунниты, правоверные мусульмане (ГА РФ. Ф. Р1235. Оп. 101. Д. 38. Л. 23).

²⁹ *Зякат* (или *закят*) — буквально очищение, ежегодная выплата части средств в пользу нуждающихся. Исмаилиты обычно зякат выплачивали своему имаму.

Исмаилитам всегда было тяжело ужиться с населением регионов, где доминировало иное течение ислама, и ради сохранения веры предков они забирались в неприступные горные районы. Русские военные чиновники соперничали таджикским исмаилитам, однако парадокс заключался в том, что их духовного лидера Ага-Хана русские чиновники, особенно в Ташкенте и Петербурге, считали противником, если не врагом царской власти. Между тем исмаилиты испытывали высочайший пиетет к Ага-Хану и не могли представить духовную жизнь без наставлений своего лидера, безусловно признавая его властный авторитет по всем вопросам жизнедеятельности общины.

Тем не менее имперские чиновники крайне подозрительно относились к Ага-Хану. За его передвижениями в Петербурге и Ташкенте тщательно следили. В Архиве внешней политики Российской империи хранится документ — копия с секретного донесения статского советника Лютша от 14 июня 1905 г. в Министерство иностранных дел России о надзоре над Ага-Ханом.

По получении предложения Первого Департамента от 21 апреля с. г. за № 750, я не преминул принять меры к выяснению вопроса о возможности и времени прибытия в Читрал и в Вахан главы секты исмаилитов Ага-Хана. Представляется весьма вероятным, что первый приезд сего лица в Пригиндукушские местности вызовет некоторое движение среди населения, отличающегося набожностью и покорностью своим духовным главам /ишанам/, ставленникам названного Ага-Хана. Поэтому было бы крайне необходимо выяснить цель этой поездки и по возможности предупредить вредные для нас последствия, если Ага-Хану поручено воспользоваться своим пребыванием в соседстве с бухарским Шугнаном и Ваханом для политической пропаганды в благоприятном для англичан смысле. Ввиду сего я счел необходимым телеграммой от 22 мин[увшего] мая испросить разрешения Вашего Превосходительства установить возможно тщательный надзор за положением дел в Припамирских бекствах во время пребывания Ага-Хана в соседних с ними странах. Такое поручение можно было доверить лишь смышленому и знакомому с Припамирскими бекствами лицу, имеющему там более или менее прочные связи и пользующемуся доверием местного населения. Мой выбор остановился на одном туземце Ферганской области, выходец из Дарваза, М. Ф. Б., сопровождавшем барона Черкасова в прошлом году по Шугнану и Вахану и неоднократно мне доказывающем ловкость и умение выполнять подобного рода поручения. Означенный туземец мною был вызван в Бухару и посвящен, насколько сие представлялось необходимым, в характер поручения, которое я вверял его заботам. Так как подробностей о времени предполагаемого приезда Ага-Хана ни здесь, ни даже на Памирах не было известно, я предложил этому туземцу собрать по сему вопросу необходимые сведения.

Ныне мною получено от М. Ф. Б. донесение, в коем, между прочим, сообщается, что известие об ожидаемом прибытии Ага-Хана в Пригиндукушские местности дошло до Шугнана. Проживающий в Читрале ишан Шазада-Лейс обратился к одному из своих доверенных лиц в Шахдара с просьбою ускорить высылкою подношений, предназначенных Ага-Хану. Сам Шазада-Лейс намерен отправиться на встречу Ага-Хана, который, по этим сведениям, предполагает посетить Пригиндукушские местности вплоть до Яркенда. Время выезда Ага-Хана из Карачи остается неизвестным (АВПРИ. Ф. 214. Оп. 779. Д. 24. Л. 56–57).

Как видно из этого документа, чиновники царской администрации хотели держать под контролем все действия исмаилитского имама. Для этих целей они на местах имели разветвленные сети информаторов. Старались максимально быть в курсе того, что говорил имам своим мюридам, куда собирался поехать и т. д. Для царской администрации Ага-Хан был нежелательным гостем на Памире.

Царские чиновники пытались очернить Ага-Хана в глазах его последователей, например, пошатнуть авторитет Ага-Хана посредством двух миссионеров из Индии (Каландаров 2023: 59–65). Под покровительством Генерального консула России в Бомбее В. О. Клемма осенью 1904 г. два

индийских исмаилита, которые по разным причинам откололись от общины исмаилитов Бомбея, были перенаправлены в Ташкент для последующего проникновения на Памир. В Ташкенте в это время находился один из влиятельных исмаилитских *пиров* Памира Юсуф-Али-Ша³⁰. Туркестанский генерал-губернатор Н. Тевяшев 4 декабря 1904 г. написал министру иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу:

...в Ташкенте сейчас проживает один из наиболее влиятельных исмаилитских (в оригинале исмаилитских. — Т. К.) ишанов Юсуф-Али-Ша, бежавший из Шугнана от притеснений Шугнанского бека и выжидающий ныне в Ташкенте решения вопроса об установлении в припамирских бекствах русского управления. Если вопрос этот вырешится в непродолжительном времени, то приезжие из Бомбея ходжи³¹ могли бы путем воздействия на означенного ишана в Ташкенте заручиться сильной поддержкой в главной сфере распространения исмаилизма (в оригинале измаилизма. — Т. К.), а затем пропагандой на месте довершить начатое таким образом дело (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1117. Л. 41).

Более того, в этом письме генерал-губернатор предлагает Ламздорфу продлить командировку этих двух миссионеров до сентября 1905 г., чтобы они перезимовали в Ташкенте, а весной поехали на Памир (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1117. Л. 42). Однако вскоре Н. Тевяшев был разочарован их работой. Дело в том, что они не смогли изменить отношение ишана Юсуф-Али-Ша к Ага-Хану III. Один из миссионеров, Муса-Гулям, говорил на фарси, но это не помогло ему показать преданность и доверие ишана своему имаму. В секретной телеграмме от 8 января 1905 г. генерал Тевяшев написал Ламздорфу:

Присланные из Бомбея Ходжи-исмаилиты ни по умственному развитию, ни по умению скрывать цель поездки непригодны для возложенного на них поручения, к тому же крайне деморализованы зимним холодом. Опасаюсь, что проживающие в Ташкенте исмаилиты, на коих они не сумели приобрести никакого влияния, догадаются, что они поддержаны русской властью. Считал бы необходимым немедленно отправить их обратно в Бомбей, на что испрашиваю согласия Вашего Сиятельства. Содержание их дорого и непроизводительно (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1117. Л. 48. Цит. по: Русско-индийские отношения... 1999: 156–157; Загородникова 2002: 40–41).

Несмотря на это, сам Ага-Хан III очень тепло относился к России. В своих мемуарах он с большим уважением писал о русской культуре, с сопереживанием рассказывал о русских рабочих, которых видел во время своей поездки по России в 1912 г.³² Ага-Хан III с восхищением вспоминал об Эрмитаже:

Я пришел к выводу, что музей Эрмитаж был самым прекрасным из всего того, что когда-либо я видел в моей жизни. Он намного превосходит Лувр, Национальную галерею (в Лондоне) или музей Метрополитен в Нью-Йорке. Его превосходство заключалось в его жесткой избирательности коллекции. Там не представлены посредственные или третьесортные вещи, все, что было показано, имело высочайшее качество. Не было необходимости, как в любом другом большом музее или художественной галерее, в которых я когда-либо был, тащиться — миля за милю — мимо второсортных работ, картин сомнительного происхождения, копий или этюдов, сделанных учениками известных художников. Там, в Эрмитаже, которым руководил граф Толстой, родственник великого романиста, материалы такого рода были запрятаны далеко в запасники. Толстой, как

³⁰ Мысль Т. Н. Загородниковой о том, что *пир* Юсуф-Али-Ша скептически относился к Ага-Хану, требует доказательств (Загородникова 2002: 42).

³¹ Исмаилитов Индии называют *ходжа*, что означает «господин».

³² Департамент таможи Министерства финансов писал в Первый департамент Министерства иностранных дел: «Вследствие отношения от 23 авг. с. г. за № 6628 Департамент таможенных сборов имеет честь уведомить Первый департамент, что вместе с ним по Вержоловской таможе сделано распоряжение о беспрошльном и без досмотра выпуске багажа Индийского принца Ага Хана, намеревающегося прибыть в Россию в первых числах наступающего сентября месяца, в сопровождении трех слуг» (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1117. Л. 78).

я понял, установил порядок, при котором все, что не обладало качеством и собственной внутренней красотой, было снято со стен, пусть даже это были работы больших художников или таковым приписывались. Возникло ощущение маленького, чистого собрания шедевров, от которого веяло необычайной свежестью (The Memoirs... 1954: 124–125).

Хор мальчиков в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга также произвел на Ага-Хана большое впечатление — он назвал их пение «чистым и величественным» (The Memoirs... 1954: 125). Сравнивая жизнь рабочих в Москве и Бомбее, имам исмаилитов в своих мемуарах отмечал:

Пропасть между богатыми и бедными [в Москве] была поистине ужасающей. Я потрудился изучить условия труда на фабриках и текстильных заводах; они во многом напоминали хлопкообрабатывающие заводы Бомбея, но условия здесь были несравненно хуже. Я, не колеблясь, скажу, что, какими бы бедными, несчастными и голодными ни были рабочие бомбейских фабрик в те дни, они выглядели счастливее и живее, чем московские рабочие той же специальности. В Бомбее вы, по крайней мере, могли видеть улыбки; каждый рабочий московской фабрики выглядел опухшим, изможденным и смертельно уставшим (The Memoirs... 1954: 126).

Такое состояние русских рабочих имам связывает с климатом. Далее Ага-Хан III резюмировал: московские рабочие, в отличие от своих коллег в Бомбее, мало видят солнца. Бомбейские рабочие восемь месяцев в году могли гулять на свежем воздухе, видеть солнце, луну и звезды (The Memoirs... 1954: 127).

С этой поездкой Ага-Хана III в Россию индийские мусульмане связывали большие надежды. Дело в том, что в индийской прессе время от времени печатались статьи о притеснениях мусульман со стороны русских властей. Поэтому авторы публикаций верили, что поездка Ага-Хана в Россию и его встреча с царем (предполагалось, что имам встретится с Николаем II. — *Т. К.*) помогут мусульманам облегчить жизнь в России.

В одном из своих донесений М. С. Андреев³³ приложил перевод статьи из индийской газеты об этой поездке. В частности, там говорится:

10 октября [1912 г.] Его Высочество сэру Ага-Хану исполнилось 35 лет. В Карачи было большое собрание из мусульман, индусов, парси и англичан, чтобы ознаменовать день его рождения. Но что особенно является радостным по этому случаю, то это то, что Его Высочество соблаговолили отправиться в Россию, чтобы встретиться с Русским Царем и, после того как там погостит, пользуясь любезным гостеприимством того царя, возвратятся обратно в Индию... Описания о позоре касающихся русских мусульман, которые подвергаются бедам и на которых (сыпятся) такие гонения, появлялись много раз, и не следует по этому заставлять плакать кровью читателей, разрывая их описанием об этом. Достаточно будет сказать: эти несчастья невозможно сносить, и если Его Высочество сможет в этом отношении произвести какое-нибудь впечатление на Русского Царя, то результаты этого будут важны в высшей степени. Сэр Ага-Хан может выполнять там и еще одну обязанность, и более всего вероятно, что сознание этого долга и послужило причиной его поездки туда, — это то, чтобы спасти Персию от введения русского управления. Британское Министерство иностранных дел бессильно выполнять свой долг в этом отношении. Если бы хотело, то на основании существующего договора оно удержало бы Россию от разграбления Персии, так как оба [государства] одинаково поручились за ее благополучие и свободу, но современникам известно, что благодаря обещаниям, которые от времени до времени распространяют из Лондона по всем четырем странам света, положение Персии с каждым днем становится все более угрожаемым. Сэр Ага-Хан подумает об этом и заставит русское правительство устраситься Бога. Тогда не будет ничего удивительного, если и невозможное заменится возможным и величественное государство Персии будет спасено от исчезновения (АВПРИ. Ф. 238. Оп. 778. Д. 221. Л. 15–16).

³³ Михаил Степанович Андреев (1873–1948) — выдающийся этнограф и лингвист.

В своих воспоминаниях Ага-Хан III не стал распространяться о политической части своего визита в Россию.

Подводя итоги, можно сказать, что стратегия решения «мусульманского вопроса» в Средней Азии в конце XIX — начале XX в. в основном зависела от личности и субъективного мнения генерал-губернатора Туркестанского края относительно мусульман Российской империи. История взаимоотношений царских чиновников и мусульман Средней Азии запечатлела и политику игнорирования мусульман, и попытку их вовлечения в решение «мусульманского вопроса». Одним из способов приобщения мусульман к государственным делам империи считалось открытие русско-туземных школ на местах, в том числе на Памире. Однако открытие такой школы в 1909 г. было запоздалым решением. Монархия в полной мере не смогла использовать потенциал кадров этой школы. В феврале 1917 г. самодержавие пало.

Исмаилитское сообщество Российской империи проживало в труднодоступных горных регионах Памира, и до первой экспедиции графа А. А. Бобринского в эти края о нем в центре имели скудные сведения, считая, что там живут мусульмане-сунниты. Распространение исмаилитского учения в этих краях империи обуславливало сложности государственного регулирования «мусульманского вопроса». Несмотря на то что таджикские исмаилиты с надеждой смотрели на царских чиновников как на своих освободителей от рук суннитских властителей, сами царские чиновники на это сообщество смотрели сквозь призму деятельности их духовного лидера — Ага-Хана III. Он в глазах имперских чиновников был проводником английских идей на Востоке. Не исключено, что царская администрация хотела видеть исмаилитское сообщество без их духовного лидера — имама Ага-Хана III.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1117 Документы о командировании в Туркестан двух ходжей-исмаилитов, 1904–1905 гг. Л. 41, 68–69, 78.

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1302. А. А. Бобринской, 1900 г. Л. 2.

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 101. О школах в Бухаре, 1909–1917 гг. Л. 30–57.

АВПРИ. Ф. 214. Оп. 779. Д. 24 О расколе среди исмаилитов в Бомбее, 1904–1905 гг. Л. 56–57.

АВПРИ. Ф. 238. Оп. 778. Д. 221 Донесение Андреева из Панджшера, 1912 г. Л. 15–16.

ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 101. Д. 38 Материалы о политико-экономическом состоянии Памира, 1923 г. Л. 23.

ГАРФ. Ф. Р5221. Оп. 55. Д. 239. Личное дело студента Шотемор Ш., 1927 г. Л. 10.

Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. СПб.: Типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1905, 1905. Т. 1. 268 с.

Арапов Д. Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 128 с.

Бобринской А. А. Секта исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1902. 18 с.

Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкшимцы). Очерки быта по путевым заметкам. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1908. 150 с.

Громбчевский Б. Л. Доклад подполковника Б. Л. Громбчевского, читанный в Николаевской академии Генерального штаба 14 марта 1891 г. СПб.: [б. и.], 1891. 29 с.

Дафтари Ф. Исмаилиты. Исторический словарь / пер. с англ. Л. Р. Додыхудоевой. М.: Наталис, 2015. 336 с.

Загородникова Т. Н. Ага-Хан и Российская империя // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность 2002. № 1. С. 34–42.

- Иванов Д. Л. Путешествие на Памир // Известия Императорского Русского географического общества. 1884. Т. 20, вып. 3. С. 209–252.
- Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII — начало XX в.): сборник статей / сост., [авт. вступ. ст., предисл. и коммент.] Д. Ю. Арапов. М.: Наталис, 2006. 480 с.
- Искандаров Б. И., Юсупов Ш. Русская школа на Памире // Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. 1976. № 2 (84). С. 14–19.
- Каландаров Т. С. Борьба против влияния Ага-Хана III на Памире (на основе архивных материалов) // Религиоведение. 2023. № 2. С. 59–65.
- Одинцов М. И., Кочетова А. С. Свобода совести в истории России: идеи, законодательные проекты, практическое воплощение. Конец XIX — первая четверть XX в. М.: Полит. энцикл., 2023. 553 с.
- Постников А. В. Схватка на «Крыше Мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). М.: Памятники ист. мысли, 2001. 416 с.
- Россия — Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII — начале XXI века. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. 480 с.
- Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных документов и материалов. М.: Вост. лит., 1999. 527 с.
- Хусрав Насир. Избранные труды: в 3 т. Душанбе: Ирфон, 2003. Т. 2. 948 с. (На тадж. яз.).
- Хусрав Насир. Зад ал-мусафирин (Припасы путников) / пер. с тадж. (перс.), вступ. ст. и коммент. М. Диноршоева. Душанбе: Нодир, 2005. 351 с.
- Andani Kh. *Ismā'īliyya and Ismā'īlism: From Polemical Portrayal to Academic Inquiry // Deconstructing Islamic studies* / ed. by M. Daneshgar, A. W. Hughes. Boston, Massachusetts: Ilex Foundation; Washington: The Center for Hellenic Studies, Harvard Univ. Press, 2020. P. 253–312.
- The Memoirs of Aga Khan: World Enough and Time. London: Cassell and Company LTD, 1954. 350 p.

REFERENCES

- Andani Kh. *Ismā'īliyya and Ismā'īlism: From Polemical Portrayal to Academic Inquiry. Deconstructing Islamic studies*. Washington: Harvard University Press, 2020, pp. 253–312. (In English).
- Arapov D. Yu. *Bukharskoe khanstvo v russkoy vostokovedcheskoy istoriografii* [Bukhara Khanate in Russian orientalist historiography]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1981, 128 p. (In Russian).
- Daftari F. *Ismailiyy. Istoricheskiy slovar'* [Ismailis. Historical Dictionary]. Moscow: Natalis Publ., 2015, 336 p. (In Russian).
- Imperatorskaya Rossiya i musul'manskiy mir (konets XVIII — nachalo XX v.): Sbornik materialov* [Imperial Russia and the Muslim World (late 18th — early 20th century). Collection of materials]. Moscow: Natalis Publ., 2006, 128 p. (In Russian).
- Iskandarov B. I., Yusupov Sh. [Russian school in the Pamir]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoy SSR. Otdeleniye obshchestvennykh nauk* [News of the Russian Academy of Sciences of the Tajik SSR. Department of Social Sciences], 1976, no. 2 (84), pp. 14–19. (In Russian).
- Kalandarov T. S. [Fight against the Influence of Aga Khan III in the Pamirs (based on archival materials)]. *Religiovedenie* [Religious studies], 2023, no. 2, pp. 59–65. (In Russian).
- Khusraw N. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Dushanbe: Irfon Publ., 2003, vol. 2, 948 p. (in Tajik).
- Khusraw N. *Zad al-musafirin (Pripasy putnikov)*. [Zad al-musafirin (Provisions of Travelers)]. Dushanbe: Nodir Publ., 2005, 351 p. (In Russian).
- Odintsov M. I., Kochetova A. S. *Svoboda sovesti v istorii Rossii: idei, zakonodatel'nye proekty, prakticheskoe voploshhenie. Konets XIX — pervaya chetvert' XX v.* [Freedom of conscience in the history of Russia: ideas, legislative projects, practical implementation. End of the 19th — first quarter of the 20th century]. Moscow: Politicheskaya Entsiklopedia Publ., 2023, 553 p. (In Russian).
- Postnikov A. V. *Shvatka na "Kryshe Mira": politiki, razvedchiki i geografy v bor'be za Pamiir v XIX veke (monografiya v dokumentah)* [Fight on the “Roof of the World”: politicians, intelligence officers and geographers in the struggle for Pamir in the 19th century (monograph in documents)]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2001, 416 p. (In Russian).
- Rossiya — Srednyaya Aziya: Politika i islam v kontse XVIII — nachale XXI veka* [Russia — Central Asia: Politics and Islam in the late 18th — early 21st centuries]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2013, 480 p. (In Russian).

Russko-indiyskie otnosheniya v 1900–1917 gg. Sbornik arhivnykh dokumentov i materialov. [Russian-Indian relations in 1900–1917. Collection of archival documents and materials]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1999, 527 p. (In Russian).

The Memoirs of Aga Khan: World Enough and Time. London: Cassel and Company LTD, 1954, 350 p. (In English).

Zagorodnikova T. N. [Aga Khan and the Russian Empire]. *Oriens*, 2002, no. 1, pp. 34–42. (In Russian).

Submitted: 02.01.2025

Accepted: 26.03.2025

Published: 10.07.2025